

НАЕМ В ДРЕВНЕЙ ИНДИИ

В связи с выходом нашей книги об «Артхашастре»¹ М. К. Кудрявцевым на страницах ВДИ была затронута важная проблема о найме в древней Индии². Основной тезис автора заключается в том, что кармакары и бхритаки не могут рассматриваться как наемные работники, так как в древнем обществе «труд еще не стал товаром и не мог быть покупаем или наймаем» (ук. соч. С. 128). Подобного рода суждения уже не раз высказывались в литературе. Так, И. В. Шерешевский стремился доказать³, что понятие найма неприменимо к условиям древнего Рима и является модернизацией. М. Я. Сюзюмов ответил на это вполне убедительно, что «можно говорить только о специфике наемного труда и его количественном распространении, но не ставить под сомнение его существование»⁴. Точка зрения И. В. Шерешевского в настоящее время уже не находит сторонников⁵.

Индологи задолго до «русского перевода „Артхашастры“ 1959 г.» единодушно отмечали, что в санскритских текстах упоминаются наемные работники (Lohnarbeiter, hired labourers и т. д.) — во всех этих случаях М. К. Кудрявцев предполагает наличие системы джаджмани. Джаджмани — специфическая форма взаимообеспечения в североиндийской деревне нового времени — в последние годы привлекает пристальное внимание ученых. Однако существование этой системы в древности, как правило, категорически отвергается. Так, например, известный исследователь социально-экономической истории Индии Р. Ш. Шарма пишет, что в «Артхашастре» «нельзя найти и следа системы джаджмани». Целесообразно вновь обратиться к санскритским текстам (не только «Артхашастре», но и так называемой «юридической литературе» — джармашастрам) с тем, чтобы определить суть таких категорий, как «кармакара» и «бхритака», возможное сходство юридических условий труда этих лиц с отношениями найма или джаджмани.

Прежде всего нужно сказать, что наем лиц является лишь одной из разновидностей найма наряду с наймом имущества. Последний в «Артхашастре» (далее — КА) именуется обычно термином авактага, от глагола kṛī — «покупать»; комментаторы и лексикографы предпочитают слово ра-

¹ Вигасин А. А., Самозванцев А. М. «Артхашастра Каутильи»: проблемы социальной структуры и права. М., 1984.

² Кудрявцев М. К. Еще раз о кармакарах в «Артхашастре» // ВДИ. 1986. № 4.

³ Шерешевский И. В. Правовое регулирование «наемного труда» в Риме // ВДИ. 1955. № 1.

⁴ Сюзюмов М. Я. О наемном труде в период кодификации римского права // ВДИ. 1958. № 2.

⁵ Штаерман Е. М. Древний Рим: проблемы экономического развития. М., 1978.

rikraуа с тем же значением и от того же корня (связь понятий найма и купли-продажи проявляется и в других правовых системах — *locatio et conductio* и *emptio et venditio* в римском праве, «продажа» как один из терминов для найма на Руси и т. д.). В КА речь идет о найме (аренде) дома — II.36.23; III.8.24—25, оросительного сооружения — III.9.36, земли — VII.3.34, о найме (получении напрокат) одежды — IV.1.17 и принадлежностей для игры в кости — III.20.10. Имущество, отданное в наем (*avakritaka*), рассматривалось по аналогии с другими видами собственности, находящимися временно и на законном основании у другого лица (как залог, вклад, депозит и т. д. — см. КА III.12.22; IV.6.11; V.2.49 и др.). Арендная плата также может именоваться словом *avakraуа* (КА III.8.25), но чаще ее называют *stoma* (например, «Нарада-смрити» в изд. Ю. Йолли IX.21 — о плате за помещение, IX.23 — о плате за выданные напрокат вещи и т. д.). Важно отметить, что неуплата *stoma* за дом или вещи в «Нараде» рассматривается в главе, посвященной неуплате жалования кармакарам. Сближает жалование и арендную плату, несомненно, лишь одно — и в том и в другом случае речь идет о сходных отношениях найма (имущества или рабочей силы).

Не случайно поэтому и соответствующие термины могут использоваться как синонимы. Так, *stoma*, обычно определяемая как арендная плата за жилье (*vasamūlya* — «Вьявахаракальпатару» 160), толкуется как *bhāṭaka* (наемная плата — «Апарарка» II.198, «Смритичандрика» 206) или даже *vetana* (жалование — «Вивадаратнакара» 169). Слово *bhṛti* означает как арендную плату, так и жалование (ср. палийские *bhāṭa* и *bhāṭi* — *rent, wages* и т. д.).

Основаниями для возбуждения судебного дела являются как неуплата жалования, так и неисполнение работы — изложение той и другой темы часто составляют содержание специальных разделов дхармашастр. Из контекста последних бывает видно, что имеется в виду нарушение конкретного обязательства — исполнитель не завершает работу к положенному сроку или завершает ее ненадлежащим образом. Легко представить, что в качестве такого исполнителя отдельного поручения или заказа нередко могли фигурировать разного рода ремесленники. И действительно, последние (*kāru, śilpīn*) указаны в перечне работников, именуемых *karṣakara*, — КА III.13.30. Ремесло в известных аспектах тесно связано с отношениями найма.

Здесь необходимо затронуть проблему характера городского ремесла. Рисуемый в КА (III.4) план города, несомненно, имеет умозрительный характер, но в нем невольно отражаются общие представления о сути тех или иных элементов городского устройства⁶. Предполагается, в частности, что единого рынка в городе нет, а все товары можно приобретать либо в специальных торговых рядах (*paṇyāḥ*), либо непосредственно в ремесленных мастерских (*kāraṇāḥ*). В первую категорию попадают благовония, цветочные гирлянды, напитки, вареный рис и мясо. Продукция труда местных оружейников и кузнецов, ювелиров, ткачей и пр. может быть приобретена не у торговцев, а у самих мастеров. Их ремесленная продукция не называется товаром. Между изготовителем и покупателем не было посредников, и, по всей видимости, мастера работали не на рынок, а на заказ. Конечно, мы знаем, что некоторые ремесленные изделия пользовались спросом не только в других городах, но и в далеких странах, но, очевидно,

⁶ См. Вигасин А. А. К оценке «Артхашастры» как источника сведений о древнеиндийском городе // Город на традиционном Востоке. Тезисы. М., 1988; *он же*. Древняя Индия // Всемирная история экономической мысли. Т. I. М., 1987.

в таких случаях купцы выступали в качестве заказчиков продукции. Даже при довольно высоком уровне развития товарного обращения не всегда можно говорить о товарном производстве.

То обстоятельство, что ремесленники работали преимущественно на заказ, проясняет причину того большого значения, которое придавалось в юридических текстах правилам, касающимся так называемой *nikṣera* — материала, переданного заказчиком для обработки. Теме *никшепы* в КА посвящен большой фрагмент главы III.12. Систему организации заказов или подрядов предполагает глава КА I.14, посвященная надзору за ремесленниками. В главе о золотых дел мастерах (II.14) излагаются правила, совпадающие или сходные с теми, которые содержатся в разделе о плате кармакарам (III.14). И действительно, при работе ремесленника на заказ мы имеем дело с таким видом найма, который в римском праве именуется *locatio conductio operis*. Любой ремесленник, принимавший на себя обязательства перед клиентом, тем самым заключал договор найма для проведения определенной работы (заказа, подряда) и подпадал под действие правил о наемном труде (связанных с необходимостью выполнения указаний хозяина, правом на вознаграждение и пр.). Очевидно, можно предполагать, что экономически ремесленник нуждался в сырье и зависел от получения заказов, а потому мог соглашаться на невыгодные условия сделки. Но с юридической точки зрения это был совершенно свободный договор между двумя не зависящими друг от друга лицами. Не меняет существа дела и то, что ремесло рассматривалось как несамостоятельный, обслуживающий труд, не пользующийся общественным уважением (по индийским представлениям ремесло — дело *шудр*). Юридического оформления сделки это не меняло.

На деле аналогичные правоотношения складывались между любым заказчиком и работником (или подрядчиком). Да и сам термин *śilpin* лишь условно переводится как «ремесленник». Санскритское *śilpa* включает в себя целый ряд профессий, которые мы не можем сейчас назвать ремеслом (например, музыка и танцы), оно скорее сходно с латинским *ars*. Для разных категорий лиц, заключающих договоры найма на тот или иной вид деятельности, в санскрите существовали свои особые обозначения. Почти всегда в главе о кармакарах упоминались, например, публичные женщины (*veśya*, *parvastrī* — буквально «женщина-товар»), хотя они, кажется, никогда не именовались общим термином кармакара(и). Плата, получаемая ими с посетителей, обычно носила особое название — *śulka* или *bhoga* (КА III.13.37, «Нарада» VII.20), хотя это не исключает возможности употребления и общего термина для «заработной платы» — *vetana* или «наемной платы» — *bhāṭaka* (см., например, «Матсья-пурана» у Апарарки II.198).

Платный учитель (чему бы он ни учил — наукам *vidyā* или ремеслам и искусствам — *śilpa* — «Матсья-пурана», там же) получает просто «цену» (*mūlya*), но последняя может обозначаться и словом *vetana* — «плата». Напротив, то, что подбает жрецу или духовному наставнику, словом *vetana* не называется, ибо передаваемое ими знание или совершаемое жертвоприношение не может рассматриваться как товар, как предмет купли-продажи. Их вознаграждение именуется особым словом *dakṣiṇā* — «почетный дар». Дар этот по существу ничуть не менее обязателен, чем обычная плата, однако употребление иного обозначения отражает и особое отношение к данным услугам (как бы безвозмездным). Впрочем, плата рядовым жрецам за совершение обрядов определяется абсолютно теми же правилами, что и любое другое вознаграждение за сделанную работу, и различие

между «зарплатой» и «гонораром» нередко больше относится к области общественной психологии, чем собственно к праву. По этой же причине жрец никогда прямо не именуется словом «кармакара», хотя вопросы, связанные с его трудом и оплатой, обсуждаются именно в разделе о кармакарах. Для него предусматриваются даже более суровые наказания за неисполнение «трудового соглашения», так как его функции важнее, нежели услуги обычных «наемных работников», — см. Медхатитхи VIII.215.

«Шукранити» (II.385) проводит деление наемной платы (bhṛti) на «сдельную» (kāṅamānā) и «повременную» (kālamānā). Конечно, это весьма поздний санскритский источник, отдельные части его могут относиться к XVIII и даже к началу XIX в., однако в большинстве случаев он опирается на весьма древнюю традицию. Санскритские старинные тексты исходят из различных видов найма — для выполнения определенной работы (kāṅa) и на ограниченный срок (kāla).

В последнем случае особенно остро встает проблема социального статуса нанимающегося, его прав и обязанностей по отношению к хозяину, сходства и отличия его положения от положения купленных рабов, каменных должников и тому подобных зависимых лиц. Когда речь идет о «хозяине» в ситуации с наймом для определенной цели, последний является лишь «хозяином имущества» (dravyasvāmin) или «хозяином работы» (karmasvāmin — Нарада VII.2). Напротив, если работник просто нанимается служить хозяину, последний становится не только господином его труда, но в какой-то мере и самой его личности.

Данная разновидность найма заслуживает более подробного рассмотрения. Значения, придаваемые тому или иному термину в различных санскритских текстах, бывают не вполне тождественны (и даже вовсе несходны), поэтому целесообразно начать с анализа материала в контексте правил и системы классификации одного источника. Среди дхармашастр особое внимание кармакарам уделяет «Нарада-смрити». «Нарада» говорит о пяти категориях «лиц, обязанных оказывать повиновение» (śuśrūṣā — VI.2) — общим для них является то, что все они не обладают независимостью (svatantratva — VI.4). Четыре категории из них могут быть объединены в понятие «кармакара», а пятую составляют рабы (dāsa). Бхавасвамин (VI.3) поясняет данную классификацию следующим образом: «кармакары — те, кто привлекается к труду по собственной воле (icchātaḥ karmaratiranna), а рабы — по необходимости (niyogataḥ)».

Термин «кармакара» в «Нарада-смрити» используется в широком смысле и включает, между прочим, и тех лиц, которые обычно таким образом не назывались. Первые две категории кармакаров составляют «духовный ученик» брахмана и «ученик» ремесленника. Нет ничего удивительного в том, что «духовный ученик» рассматривается здесь как «работник» — кармакара. В глубокой древности одной из важнейших его обязанностей считалось пасти коров учителя, а в позднейшее время обычно речь идет о выполнении домашних работ и личном услужении. Очевидно, имея в виду этих учеников, греки и отмечали, что индийцы используют «юношей» вместо рабов (Strabo. XV.I.34).

Ученик ремесленника должен был работать вместе с мастером и для него до истечения положенного срока («Нарада» VI.16). Обе эти категории объединяет то, что работа на учителя выполнялась бесплатно — в этом смысле отношений найма здесь нет, и, конечно, термин «кармакара» нельзя безоговорочно в любом контексте переводить как «наемный работник» (напротив, ученик еще сам, согласно обычаю, приносил почетный дар наставнику в благодарность за обучение — «Нарада» VI.14.19).

В противоположность этому третья категория именуется бхритака (bhṛtaḥka), что вполне справедливо толкуется Виджнянешваровой как «платный кармакара» (mūlyena yaḥ karma karoti — II.182), ср. Медхатитхи VIII.215: «кто за определенную цену делает определенную работу». Наконец, четвертую категорию составляет adhikarmakṛt («управляющий»), он же далее именуется kauṭumbika («домоправитель» — VI.3, 22). Комментаторы разъясняют значение этого слова так: «тот, на ком лежит обязанность управления и надзора за доходами, расходами и работами» («Смритичандрика» 197). По существу он тоже должен был получать вознаграждение за труд (ср. Вишварупа II.193), но тем не менее это «жалование», очевидно, рассматривалось иначе, чем обыкновенная «зарплата» рядовых работников (так же как вовсе не включаются в категорию кармакаров получающие жалование государственные чиновники).

В древнеиндийских текстах категория «управляющего» практически не встречается и не может для нас представлять сейчас особого интереса. Значительно важнее упомянутый ранее бхритака, как правило отождествляемый с кармакарой в узком смысле слова. Прежде всего обратим внимание на определение бхритаки: это — тот, кто выполняет работу за плату (vetana — Медхатитхи VIII.214). Эту плату комментаторы единодушно и в полном соответствии с древними текстами называют «платой за труд» или «ценой труда» (karmamūlya — «Смритичандрика» 201, «Парашара Мадхавия» 324). То, что труд может выступать в качестве товара, имеющего цену, было вполне осознано древними индийцами. Работа на другое лицо за плату полностью отвечает как современному определению найма, так и формулировкам римских юристов (см. «Дигесты» XIX.2.2 о договоре locatio et conductio: «(Гай) Наем стоит очень близко к купле и продаже и подчиняется тем же юридическим правилам, ибо как купля и продажа заключается, если имеется соглашение о цене, так и наем считается заключенным, если имеется соглашение о плате»). Не возникало на этот счет особых сомнений и у греческих авторов, имевших возможность оценивать отношения в Индии в привычных им категориях, — недаром в греческом варианте эдикта Апоки индийское слово «охритака» переведено как *μισθότης*.

Можно несколько подробнее остановиться на том, что представляла собой эта плата. Постоянно дается одно и то же пояснение — «согласно уговору» (KA III.13.29 — yathāsambhāṣitam, Маңу VIII.216 yathābhāṣitam, Яджнавалкья II.196 yathāśrutam и т. д.; ср. Вишварупа yathāparibhāṣitam, Виджнянешвара yavatparibhāṣitam «сколько договорились», Шукранити II.386 bhāṣita yathā и пр.). Оформленное условие о размере оплаты труда является наиболее обычным элементом договора между хозяином и работником. Если же плата не была твердо установлена (akṛtā bhṛtiḥ — Вриддха-Маңу у Апараки II.194, asambhāṣita KA.III.13.27), то возникала проблема ее установления по справедливости, в соответствии с затраченным трудом, временем и тем, как другим работникам платят за подобную работу (KA III.13.30). Для такой оценки привлекались третейские судьи или знатоки (kusāla в KA III.13.30, ср. в Вриддха-Маңу: «знающие морские путешествия» samudrayānakuśala).

Наконец, в некоторых случаях могло быть дано определение платы в долях полученной прибыли. Тогда наемный труд представляется сходным с издольной арендой (bhāgabhogā — ср. KA III.9.36). Однако подобная «арендная плата» рассматривается именно в связи с уплатой жалования наемному работнику и в качестве особой формы оплаты работы. Размер доли, причитающейся работнику, может быть определен в $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{5}$,

$\frac{1}{10}$ и т. д. (см. Брихаспати у Апарарки II.194, КА III.13.28). Это зависело от множества условий — например, получал ли работник от хозяина пищу и одежду, сама доля вычислялась от совокупного дохода или за вычетом вложенных хозяином средств, т. е. от чистой прибыли (*mūladraṇyaṃ muktvodayaśya* — Бхавасвами VII.3), и т. д.

Необходимо обратить внимание и на сроки уплаты жалования. Согласно «Нараде» (VII.2), плата может быть дана вперед, в ходе выполнения работы или по ее завершении. Обсуждаемые обычно в шастрах иски о невыполнении трудовых обязательств распадались на две основные разновидности в зависимости от того, получил ли работник плату вперед или только пообещал что-то сделать, не взяв никакого задатка. Наказание, естественно, устанавливалось различное, но совершенно ясно, что и в том и в другом случае речь идет об оплате конкретного труда. Брихаспати («Смритичандрика» 196) говорит об оплате ежедневной, ежемесячной, раз в две недели, раз в квартал, в полгода, в год — в зависимости от договорности (*paribhāṣitam*).

Итак, все, что мы знаем о жаловании кармакарам-бхритакам, сводится к тому, что его давали в соответствии с договором, за работу, согласно ее объему и во время ее исполнения (будь то задаток или полный расчет). Все это, однако, совершенно не соответствует порядку, принятому при системе джаджмани. Характерной чертой этой системы (которая и не позволяет рассматривать ее как систему наемного труда) является именно то, что взаимные обязательства контрагентов не формулируются в особом договоре и «вознаграждение» не стоит в тесной связи с выполняемой работой ни по времени, ни по размеру. Все исследователи данного института единодушно отмечают, что отношения между «джаджманом» и обслуживающим его «камином» строятся исключительно на традиционных обязательствах. М. К. Кудрявцев справедливо отмечает, что «в принципе между джаджманами и каминами нет найма и договорных отношений», «нормы услуг и компенсации их другой стороной наследственны и передаются из поколения в поколение» (с. 128). То, что в последние десятилетия появились договорные отношения, считается свидетельством распада традиционной системы. Именно поэтому, очевидно, наш автор предполагает, что слова о договоре «добавлены переводчиками» (с. 130). Упоминание в источнике договора, заключаемого кармакарами, слишком явно опровергает предложенную им концепцию.

При системе джаджмани размер материального обеспечения не связан с работой, и увеличение или уменьшение последней не влечет за собой автоматически соответствующего изменения этого обеспечения. Не наблюдается и связи по времени между осуществлением прав и обязанностей контрагентов — земледельцы, например, в течение всего года пользуются услугами деревенских ремесленников, а свои обязательства перед ними осуществляют лишь в период сбора урожая. Таким образом, и в этом отношении вовсе нельзя поставить знак равенства между кармакарами и работниками системы джаджмани.

Утверждение М. К. Кудрявцева (с. 128 сл.), что в древнеиндийском языке нет специального термина для обозначения найма и наемной платы, вызывает недоумение. Ряд соответствующих терминов КА уже был приведен выше. Пожалуй, основным термином в юридических текстах служит *bhāṭa* (*bhāṭaka*), прилагаемый к любому найму — будь то наем дома, лошади, телеги или работника (см. Вриддха-Ману в Апарарке II.198, Катьяяна в «Смритичандрике» 205, ср. *hāṭa* у Бхавасвами VII.20). «Смритичандрика» 203 точно и с полным основанием определяет *bhāṭa* как *kaṇḍo-*

padhiparikrayamūlya, т. е. «наемную плату (получаемую) за предоставленный труд». Трудно было бы привести точно такие же дефиниции из более ранних текстов, но нет никаких оснований утверждать, что комментаторы модернизируют юридические отношения древности. То же самое слово с тем же значением сохраняется и в новоиндийских языках (bhāḍe в хинди и урду, сходно в маратхи и др.).

Само же слово bhāṭa по происхождению является среднеиндийской формой от санскритского bhṛta (ср. bhṛtaka — «бхритака»). Этимология последнего (от корня bhṛ — «содержать») может свидетельствовать о том, что значение найма работников является изначальным. Термин bhāṭa появляется не в самых древних слоях литературы о дхарме, а лишь в шастрах первых веков н. э., посвященных собственно юридическим вопросам («Нарада-смрити» и др.). Однако палийские тексты и эпиграфические памятники свидетельствуют о том, что в разговорных языках слово употреблялось и на несколько веков ранее. Вообще необходимо принимать во внимание, что санскритская литература шастр нередко условно передает терминологию живой речи, архаизируя и искажая при этом соответствующие понятия и представления.

Итак, нет никаких оснований для отказа от понятий «наем» и «наемный труд» для древней Индии (так же как и для других стран древности), но остается вопрос о специфике этого наемного труда. «Нарада-смрити» (VI.20) выделяет три категории работников-бхритаков (явно включая сюда только лиц, заключающих договоры о службе в течение определенного срока, т. е. тех, кто operas suas locaverit). Высшую категорию составляют наемные воины (и само слово бхрита/бхата приобрело со временем этот узкий смысл — «наемник»). Наиболее низкая категория представлена «носильщиком» (bhāgavāhaka), который явно выбран в качестве яркого образца работника-поденщика. Среднее положение занимает sīravāhaka — так обычно обозначался арендатор или сельскохозяйственный рабочий. Как уже говорилось, доля собранного урожая могла рассматриваться как особая разновидность натуральной заработной платы (bhṛti, vetana). Как часто бывает в шастрах, данный перечень не имеет, конечно, исчерпывающего характера, а предлагается лишь в качестве примерной классификации.

КА III.13.28, Нарада VII.3 и Яджнавалкья II.194 говорят о кармакарах, занятых в земледелии, скотоводстве и торговле. Оплата работников могла иметь различный вид — в виде доли прибыли или в качестве стабильного, заранее обусловленного вознаграждения в натуральной или денежной форме. Брихаспати («Смритичандрика» 196) прямо делит работников (бхрита) на две большие категории — получающих установленное жалование (artha) или долю (bhāga) продукции.

Система джаджимани охватывает почти исключительно отношения в сельской местности, о кармакарах же нередко идет речь явно в связи с городом. Уже было сказано о том, что всякая работа ремесленника на заказ может рассматриваться как отношения найма (подряда). В самой ремесленной мастерской могли использоваться наемные работники-кармакары. В связи с обсуждением положения ученика в той же «Нараде» говорится, что после окончания ученичества он может продолжать работу у мастера, однако получая за это плату (т. е. став платным, вольнонаемным подмастерьем — «Нарада-смрити» VIII.21, изд. Ю. Йолли). В книге о КА ⁷ я уже писал о том, что кармакарами являлись и жрец, и проститут-

⁷ Вигасин, Самозванцев. Ук. соч.

ка, и врач, и слуга и т. д. Есть сведения и об артели работников (*sangha-bhrtāh* — КА III.14.18) — то, что на Руси называлось «наемщиной». Так как само производство не имело товарного характера, то и наемный труд в древности никак нельзя рассматривать в качестве элемента «капиталистического уклада». Характерно, что многие лица данной категории вообще не участвовали в процессе производства, а особенно важную роль наем играл именно в обслуживающем труде. Это и многие другие обстоятельства заставляют нас говорить о специфике найма в древности и предохраняют от модернизации и характера, и роли наемного труда.

Положение наемных работников нельзя охарактеризовать однозначно, так как необходимо учитывать и основные разновидности найма, и господствующую систему социально-экономических отношений. Рабочая сила стала товаром едва ли не тогда же, когда вообще появился товар. Однако и сам товар, и наем в древности имели ряд важных особенностей, а величина заработной платы никогда не определялась только рынком рабочей силы (в этой связи любопытное замечание содержит «Шукранити» II.391: «в какой мере работник является достойным — *gūṛavaṇ*, такова для него и плата»). Для одних это означало кабальные условия найма, для других, напротив, привилегированные. Безземельные батраки или арендаторы иной раз, видимо, даже из поколения в поколение работавшие в чужом хозяйстве, самими древними не всегда четко могли быть отделены от даса — рабов и должников того же господина (по крайней мере от таких видов «рабов», как «раб за прокорм» — *bhaktadāsa* или «раб на установленный срок» — *kṛtakāla*)⁸. Это, однако, явно не относилось ко многим другим работникам, так же называемым в источниках терминами кармакара или бхритака. В этой пестроте реальных социальных условий и заключается главная причина отмечаемой М. К. Кудрявцевым «неопределенности» характеристики кармакаров.

Мы стремились показать, что нельзя отождествить кармакаров с работающими по системе джаджмани, но отсутствие элементов данной системы в древнеиндийской деревне не кажется нам таким очевидным, как, например, Р. Ш. Шарме⁹. Сам термин «яджамана» (от которого и происходит наименование системы) встречается в дхармашастрах. При этом «Нарада» (V.9—11), например, говорит о том, что жрецы либо привлечены заказчиком для совершения отдельного обряда, либо находятся с семьей жертвователя в постоянных наследственных отношениях, которые могут быть разорваны лишь в результате преступления с той или иной стороны. Если в первом случае имеет место свободный договор между сторонами (по существу — обычный наем), то во втором мы действительно видим отношения типа тех, что ныне называются джаджмани. Аналогичный запрет жертвователю и жрецу оставлять друг друга завершает и главу КА, где говорится о кармакарах (III.14). Очевидно, отношения между жертвователем и жрецом могут приобретать постоянный, наследственный характер (хотя это происходит далеко не всегда). В таком случае «наем» приобретает совершенно специфический характер, но тем не менее эта тема все же включается в главу, связанную с темой кармакаров. Видимо, жрец, традиционно обслуживающий своего клиента, по-прежнему продолжает рассматриваться как кармакара. Надо сказать, что даже в эпоху расцвета системы

⁸ См. *Медведев Е. М.* Кармакара и bhrtaka. К проблеме формирования низших каст // *Касты в Индии*. М., 1985; *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985.

⁹ *Шарма Р. Ш.* Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 27.

джаджмани она полностью не исключала иных форм обмена продуктами или услугами.

Термин «камин» не является ни «аббревиатурой»¹⁰, ни персидским заимствованием¹¹, он выступает как закономерное соответствие древнеиндийскому слову *karmin*. Последнее также встречается в дхармашастрах, и некоторые контексты могли бы представлять интерес для решения вопроса о наследственных связях между работниками и теми, кого они должны обслуживать. «Катьяяна» (Апарарка II.117), например, говорит о наследовании карминов. Однако подобная интерпретация легко вызывает и возражения, так как под карминами-«работниками» могут иметься в виду просто принадлежащие семье рабы и слуги (как обычно и толкуется комментаторами).

Непосредственные сведения в санскритских источниках о существовании наследственной взаимозависимости и взаимообеспечении (джаджмани) в древнеиндийской деревне нельзя назвать достаточно убедительными. Тем не менее гипотеза о подобных отношениях кажется плодотворной. Несомненно, там, где юристы видели свободный договор между независимыми друг от друга партнерами, в реальной действительности нередко должна была наблюдаться несколько иная ситуация. Не случайно индийские юристы периода средневековья, когда невозможно сомневаться в распространении системы джаджмани, тоже прямо о ней не писали. Как и многие другие традиционные институты, связи по системе джаджмани никогда не фиксировались ясно и прямо в письменном праве. Они принадлежали сфере обычаев, которые не были ни полностью обобщены этим правом, ни тем более отменены им.

Наиболее важным косвенным свидетельством в пользу существования системы джаджмани в эпоху КА служит отражение в этом источнике кастового строя. Отсутствие в трактате наименований конкретных местных каст, вопреки мнению М. К. Кудрявцева, так же мало может свидетельствовать о том, что касты в это время еще не сложились, как отсутствие имен кушанских царей помешать датировке текста первыми веками н. э. В индологии вообще принято высказывать сомнения в том, что в эпоху составления шастр в Индии были касты. Зато, как это ни парадоксально, единодушно принимается перевод довольно часто встречающегося слова *patita* как «исключенный из касты».

Наименование института касты в древнеиндийских источниках не может быть названо устойчивым. Там, где в КА речь идет о старейшинах джати, принятых ею правилах, имуществе или местном наименовании, имеется в виду, очевидно, примерно то же, что позднейшая «каста» (только вовсе не обязательно «профессиональная», иначе не нужна была бы в «судебной анкете» рядом с графой о джати графа о профессии). Напротив, в палийских текстах слово «джати» никогда не обозначает касту, а соответствующий касте институт имеет иное наименование. Из-за разнообразия использованных при компиляции «Законов Ману» источников «кастовая» терминология этого памятника отличается крайней непоследовательностью. Каста — институт, который и не должен иметь ясного и недвусмысленного обозначения в древнеиндийских источниках. В большинстве случаев только «исключение из касты» и дает нам возможность обнаружить эту не фиксируемую письменными установлениями социальную общность. КА позволяет констатировать наличие замкнутого (в частности,

¹⁰ Кудрявцев. Ук. соч. С. 128.

¹¹ Он же. Община и каста в Хиндустане. М., 1971. С. 108.

эндогамного) объединения семей (кланов), занимающего в той или иной местности определенный социальный и ритуальный статус. Исключение из подобного коллектива (на наш взгляд, безусловно, кастового) влечет за собою столь грозные последствия, что это и позволяет понять все значение его во всей социальной структуре.

Наличие более или менее оформленных каст заставляет предполагать также иерархию и традиционную систему взаимоотношений между ними. В Индии нового времени важнейшую роль в организации межкастовых связей играла система джаджмани, и вполне допустимо предположение, что нечто аналогичное могло иметь место и в старину. В любом случае, однако, этим специфически индийским институтом не следует подменять такое общее для всех стран древности явление, как труд по найму¹².

A. A. Vigasin

HIRE IN ANCIENT INDIA

A. A. Vigasin

The paper examines the problem of hired labour in Ancient India in connection with M. K. Kudryavtsev's note 'Once More about *Karmakaras* in Arthashastra' (VDI, 1986, 4). From analysis of legal texts the author concludes the following:

1. The same terminology is employed for the hiring of persons as for the hiring of property.

2. The Sanskrit sources definitely speak in connection with such categories of workers as *karmakaras* and *bhitvakas*, of labour as a commodity with a price.

4. *Karmakaras* were paid wages in accordance with a work contract according to the volume and time of performance of the work; which is evidence, against Kudryavtsev, that labour could be a commodity in Ancient India, and that hired labour existed in the exact sense of the term.

4. Urban craftsmen were not oriented to the market but to orders, and any contract to perform work was drawn up as a hiring agreement; hiring played an important role in service work; with the quite wide diffusion of hiring there are no grounds for regarding it as an element of a 'capitalist' set-up.

5. The hypothesis about relations of the *dadmani* type in the ancient Indian village is primarily fruitful because it agrees well with the evolution of the caste system. But Kudryavtsev's point of view seems unsubstantiated when he identifies all *karmakaras* with persons working on the *dadmani* system (i. e. of traditional obligations of natural mutual maintenance).